

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

ОТРАЖЕНИЕ
НЕ МЕНЯ

ИСКРА

•

СЕРДЦЕ ОХХАРОНА

Издательство АСТ
Москва

**Отражение не меня.
Искра**

ПРОЛОГ

Искра

Светлые отступили, ушли за Зону Сумрака, за ледяной полог. Они снова прогнали стражей Света, хоть и ценой собственной крови и испитой светлыми воинами магии. Шариссар тяжело сбросил броню — слишком много сил потратил и оборот в человека давался с трудом. Будь его воля — не оборачивался бы вовсе, упал на все четыре лапы и проспал пару дней. Все, чего хотело израненное тело, — отдыха. Но королева ждет, и она не любит, когда он приходит к ней зверем.

Кожа без брони кажется слишком уязвимой, беззащитной. Но оборачиваться нужно, иначе можно совсем одичать и не заметить, как уходит сознание. Айк подал паладину мокрую холстину, и Шариссар благодарно кивнул. На границе купален нет, конечно, но кровь и грязь стереть хочется. Быстро обтерся и надел чистую одежду, пристегнул оружие.

— Арка уже готова, господин, — склонил голову его верный оруженосец.

Шариссар, проходя, хлопнул его по плечу и вздохнул. Королева ждет. А ждать слишком долго она не любит.

Арку проводник поставил на пригорке, там, где было меньше трупов. Впрочем, убитых уже обходили Поднимающие, придирчиво рассматривали тела. Разорванные клыками или сожженные синим пламенем, конечно, уже ни на что не годятся, а вот более-менее целые еще послужат на благо Оххарона. Воины из мертвых не получают — слишком медлительны, и даже полное отсутствие эмоций не помогает. Зато выходят отличные слуги — безропотные, молчаливые и услужливые. Если Поднимающий не сплеховал, то прослужить Бездушные могут довольно долго. А самое глав-

ное их достоинство — такой слуга никогда не разболтает хозяйские секреты, не засунет любопытный нос в спальню и не продаст за долю света. Единственное — Бездушных не стоит использовать на кухне. Все-таки выловить в тарелке супа чужой палец или глаз не слишком приятно, хотя паладин Мрака за годы войны и дохлых крыс не раз ел, ему не привыкать. Но вот впечатлительные леди от таких фокусов теряют аппетит. Хотя Бездушные не виноваты: как ни силен Поднимающий, но мертвое тело все равно мертво. И ток магии и Тьмы внутри его не заменит живой крови и света.

— Господин, — проводник согнулся в поклоне так, что седые космы упали на землю, — арка во дворец к вашим услугам.

Шариссар окинул взглядом поле битвы.

Много потерь. Плохо.

Светлым на этот раз удалось прорвать ледяной полог, найти точку разрыва. И это нужно как-то объяснить Ее Величеству. И конечно, сделать это придется ему. Ну что ж...

Он набрал воздуха и шагнул в подпространство арки. Тело привычно свело дрожью, а внутренности завибрировали от разрывающей силы. Но проводник паладина, хоть и старик, свое дело знал: пространство он сжимал мастерски, и его арки были не только надежные, но и короткие. Так что Шариссар вышел почти сразу, не успев помучиться. Стражи Мрака встретили его направленными в сердце клинками или полной броней. Паладин усмехнулся, махнул рукой.

— Неплохо, — похвалил он. Специально ведь велел проводнику сделать выход в дальнем конце дворцового парка, чтобы проверить бдительность стражей. Но они снова сработали на совесть. Хотя...

Оборачиваться он не стал, решив испытать их оборону в человеческом облике. Черная сталь двойных клинков стала продолжением ладоней, два разворота, и он ударил в стража, что стоял с краю. Тот сломался через миг: хоть страж и ожидал нападения, но Шариссар успел пробить ему грудную клетку до того, как стрелы ударились в его защитный барьер. Паладин гневно развернулся, остановил тяжелый взгляд на старшем страже. Тот присел, прижимая голову к земле и убирая когти на лапах.

— Если бы я обернулся, то уже успел бы добежать до самых ворот, — недовольно бросил он. — Зайдешь ко мне через час.

Страж смотрел красными звериными глазами, понимая, что ничего хорошего этот визит ему не принесет. Сам виноват. Надо думать, когда расставляешь заслон: вместо паладина из арки могли выйти Светлые, Ящеры или Двуликие. Такой просчет может дорого обойтись, а за свои ошибки надо платить.

Шариссар развернулся и пошел по дорожке между каменными деревьями. Они сверкали малахитовой зеленью и горели красными прожилками даже сейчас, когда парк погружался в третьи сумерки и над хрустальным шпилем мерцала Звезда Мрака. Огненное сердце на башне наливалось кровью, и паладин потянул темную силу — жадно, истово, ощущая, как затягиваются его раны. В голове слегка зашумело, и он прервал поток. Пока достаточно. Высший паладин Тьмы не хотел являться к королеве хмельным...

Она уже ждала его, он чувствовал. Звала. Если бы не звала, даже он не смог бы найти повелительницу. Но она звала, и этому зову невозможно было противиться. Впрочем, паладин этого и не хотел. Предвкушение наполнило нутро томлением и горечью, сладким кровавым привкусом ожидания.

Поднялся по белым ступеням, уже по привычке отмечая невидимых воинов, вмурованных в хрусталь стен. Они обездвижены века назад, но все еще живы, охраняя подступы к королевским чертогам. Три десятка сильнейших магов королевства, влитые в хрусталь живьем и ставшие единым целым с башней. Их боль и ненависть сделали эти стены почти несокрушимыми, напоили тьмой и силой вечной смерти. Их взгляды провожали Шариссара, и в сумраке синих глаз он видел насмешку. Не живые и не мертвые, они всегда смеялись над теми, кто шел к королеве.

Стекло лестницы под ногами паладина истончалось и на четвертом пролете исчезло вовсе. Но он слишком давно служил королеве, чтобы бояться шагнуть в пустоту. Шариссар ступил на невидимую глазу ступеньку без страха.

Лиария ждала наверху, почти возле огненного сердца, и ее зов заставлял кровь бурлить в жилах паладина. Он прошел последний пролет и толкнул дверь, выходя на открытую площадку. Она стояла к нему спиной, сегодня на ней было красное — дань погибшим воинам и их пролитой крови. Белые волосы развевал ветер, играл с прядями, как ласковый любовник. Шариссар молчал, понимая, что королева давно услышала его.

Сердце Оххарона пульсировало, заливая башню багровым Светом и Тьмой, и паладина снова повело от силы и черной магии. Даже заслоны не помогли: здесь ее было слишком много, больше, чем воздуха, больше, чем жизни. И от Тьмы и крови он хмелел, хотелось пить их жадно, до одури, до потери человечности, до обращения, до безумия! Шариссар сжал зубы и укрепил внутри себя барьер, отрезая сознание от столь притягательной бездны. Лиария тихонько засмеялась и обернулась.

— Твой самоконтроль всегда удивлял меня, Высший Паладин Мрака. Даже я не могу растопить холодную сдержанность своего стража.

— Вам стоит лишь приказать, Ваше Величество. — Он опустился на колени и склонил голову. Алые шелковые тубельки остановились около стража, когда королева подошла, и холодные пальцы прикоснулись к его щеке.

— Встань.

Он поднялся, посмотрел на нее сверху вниз. Лиария закинула голову, рассматривая его, а Шариссар снова сжал зубы. Синие глаза Темного народа смотрели, казалось, прямо в душу. Если бы она у него была.

— Сердце Оххарона напиталось кровью, Шариссар. — Ее губы сложились в усмешку. — Но, к сожалению, не только кровью Светлых. Скольких мы потеряли?

— Четыре взвода почти целиком. — Он смотрел в ее прекрасное лицо, не отрываясь. — Светлые нашли точку разрыва, Ваше Величество. Уже третий раз. Звезда Вечности уже горит на небосводе, и реальность нестабильна. Ледяной полог все чаще прорывается. В мир пришло Отражение.

— Я помню предсказание, страж! — в голосе королевы зазвонел лед. — Однако ты прав. И знаешь, что делать дальше.

Он помолчал, раздумывая.

— Мы можем отправить через границу лазутчика, Ваше Величество. Но его придется отрезать от Оххарона. И нам нужен сильный маг, вы же понимаете, что слабый без кровной нити долго не протянет. Я могу выбрать кандидата по своему усмотрению?

— Я доверяю тебе. — Синие глаза налились Тьмой и почернели. — Отражение необходимо найти. И уничтожить.

— Будет исполнено, Ваше Величество, — отозвался он.

Лиария отошла и застыла на самом краю площадки, чуть покачиваясь от порывов ветра. Он подавил в себе безотчетное желание приблизиться к ней, чтобы удержать. Или чтобы помочь упасть?

Шариссар спешно укрепил внутри себя заслон, тревожно прислушиваясь к своим чувствам и пытаясь понять, не услышала ли Лиария отголосок его мысли? Даже не мысли — мимолетного желания, неясного и тайного? Но королева стояла спокойно, и даже волосы ее не шевелились, укрывая тонкую спину белым плащом. Лиарии надоело играть с ветром, и она его прогнала.

— Ты уже выбрал, кто перейдет границу? — Она не спрашивала — утверждала, зная склонность паладина готовить все варианты и предложения заранее.

— Я предложил бы свою кандидатуру, — безэмоционально сказал Шариссар.

— Нет! — Лиария сверкнула синевой глаз. — Ты нужен мне в Оххароне.

— Тогда Второй Страж Чертогов, Нортон Четырехпалый, Ваше Величество. — Паладин никак не отреагировал на отказ королевы. Впрочем, он в нем не сомневался.

— Хорошо. — Она обернулась через плечо. Ветер приподнял подол красного платья, завертел кровавой пеной вокруг точеных ног. Королева чуть улыбнулась. — Почему он?

— Нортон один из немногих, кто способен продержаться без нити Оххарона достаточно долго, чтобы найти Отражение. И обезвредить ее.

— Нортон сильный маг. — Лиария развернулась, застыв на краю бездны. — Один из сильнейших. Хорошо. Пусть так. Готовьте стража к переходу, я оборву его нить на рассвете.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Поклонись Сердцу Оххарона, Шариссар. Ты ослаблен, а мне нужен сильный паладин.

Он вскинул голову, всматриваясь в совершенное лицо королевы. Насмешка не ускользнула от его взгляда — страж заметил ее отголосок в синих глазах. Лиария не терпела своеволия. А его нежелание растворяться во власти Оххарона разве не проявление вольнодумства?

Она качнулась, белые волосы взлетели и поплыли в багровом свете, источаемом сердцем. А потом упала вниз, сорвавшись в про-

пасть, красное платье пролилось на землю кровью, а сама королева растворилась во мраке.

Он вздохнул чуть свободнее. Аудиенция закончилась, а прощениями королева себя никогда не утруждала. Без ее присутствия стало чуть легче, хотя разве можно сказать, что ее здесь нет? И ее прямой приказ он не мог оспорить или не подчиниться.

Паладин шагнул к углублению, над которым пылало сердце. Кровь десятка жертв наполняла каменную чашу, живая сила убитых заставляла его биться. Неторопливо разделся, сложил одежду на бортике, сжал в руке кинжал. И ступил в темную, почти черную кровь, лег на спину, не отрывая глаз от пульсирующего Сердца Оххарона. Разрезал себе запястье и опустил руку, позволяя своей крови смешиваться с багряной жидкостью вокруг него. Тьма закружила голову так сильно, что он чуть не закричал, дыхание вырывалось из горла тяжело, драло глотку, разрезало битым стеклом. Тело выгибалось, и сладкий вкус чужой крови наполнял нутро. Первое погружение самое болезненное, потом стало легче, как только Оххарон узнал и принял его кровь. Тело стража расслабилось, воздух вернулся, а потом накатило наслаждение. Сильное, почти невыносимое, болезненное наслаждение, от которого он все-таки закричал.

— Ты молчишь, когда тебе больно, но не можешь удержать крик удовольствия, да, Шариссар?

Тонкие руки обвили его шею. Лиария выплыла из черной крови и прижалась к паладину. Страж не отвечал, лишь тяжело дышал, ощущая ее тонкое тело.

— Порой мне кажется, что ты забываешь, кому служишь, Шариссар! — в голосе Лиарии скользнул гнев.

— Вам стоит лишь приказать, Ваше Величество, — выдохнул он.

— Приказать... Лишь приказать... — в ее голосе злости стало больше, и Сердце Оххарона запульсировало быстрее. Кровь в чаше вскипела, забурлила, вскрылась пузырями. Лиария провела ладонью по его телу, лаская и дразня. Паладин молчал и не двигался, хотя его тело дрожало от желания. Лиария вновь провела языком по его губам. — Что ж... Тогда я приказываю тебе, мой паладин. Приказываю полюбить меня...

— Мое сердце принадлежит Оххарону, Ваше Величество. — Он откинул голову на бортик, безучастно глядя в синие глаза королевы. И она по опыту знала, что не сможет добиться от него большего, даже если разрезать стража на куски.

— Ты сожалеешь? — прошептала она.

— Я ни о чем не сожалею, Ваше Величество, — равнодушно ответил страж. Его раны затянулись полностью, оставив несколько новых шрамов.

Королева откинула белые волосы, глядя на стража, и снова ушла с головой в темную кровь...

ГЛАВА 1

Элея

— Элея, ты снова напутала! Ну куда это годится? — Кори сердито ткнула пальцем в переплетение ниточек на полотне. — Кто это купит? Да никто! За сто лье видно брак! Элея, ты меня слушаешь?

— Простите, я задумалась, — очнулась я.

Женщина сердито засопела.

— Мне надоела твоя невнимательность, Элея! И я не могу платить тебе за то, что ты портишь полотно! И вычту из твоей платы ущерб. Молись, чтобы заказчик оплатил твою работу!

— Да, госпожа Кори.

Хозяйка швейной мастерской отошла, а я огорченно рассматривала узелки на ткани и вздохнула. Неумеха, вот кто я. Ни на что не годная, безрукая неумеха! Закусила губу, чтобы удержать слезы, но тут же сердито тряхнула головой. Вот еще! Не буду я плакать из-за такой ерунды! Не дождетесь! Но если Кори не заплатит, мне не на что будет купить еду и оплатить комнатуху на чердаке.

Подышала, заставляя себя успокоиться и вновь приняться за работу. Пальцы не слушались, дрожали, и я поддула на них, согревая. В закутке, где сидела, было холодно — тепло камина сюда почти не доходило, а от окна ощутимо дуло. Руки мерзли и теряли чувствительность, нитки путались в непослушных пальцах, вызывая злость. Я стиснула зубы, вновь запрещая себе плакать, и сосредоточилась на вышивании. Повезло, что вообще получила этот заказ, и надо постараться его не испортить.

Ринка посмотрела сочувственно с другого конца комнаты, но промолчала. Остальные швеи даже не повернулись в мою сторону, демонстрируя свое отношение к полукровке. Я еще ниже скло-

нилась над пальцами. Предательская слеза все-таки скатилась на ткань, и я сердито смахнула с лица влагу.

Эх, если бы можно было с помощью Света исполнить мое желание! Всего одно! Мне не нужны груды золота или волшебные превращения, я бы просто изменила цвет глаз. Только и всего. Вернее, всего одного глаза! И почему мне так не повезло родиться с глазами разного цвета? Правый зеленый, а левый... Если бы можно было избавиться от этой предательской синевы, из-за которой все отворачиваются и смотрят косо!

Тория даже советовала мне ходить в черной повязке, закрывающей синий глаз, но я снимала ее из чувства противоречия. Хотя Тория называла это просто вредностью. И я не могла объяснить женщине, воспитавшей меня, что мне претит подобное. Я ни в чем не виновата, я родилась такой и не собираюсь прятаться под уродливой повязкой!

Как всегда, при воспоминании о Тории накатила грусть. Она была простой женщиной, сельской учительницей, но меня любила как дочь. И я была благодарна ей. Жаль, что Боги отмерили Тории слишком короткую жизнь. Она сгорела за несколько дней от пришедшего в деревню болотного мора. В свои неполные четырнадцать я ухаживала за ней вопреки запретам местной целительницы, но, увы... не смогла отобрать у смерти. Перед кончиной Тория все твердила о том, что мне нужно бежать от магов, спастись самой и спасти сестру. Но ничего толком так и не рассказала — не успела, впад в беспамятство.

Меня мор обошел стороной. И, к сожалению, по приказу деревенского старосты домик Тории сожгли вместе со всем имуществом. Так делали всегда: болотный мор слишком опасен, а дерево и ткань способны надолго сохранить заразу. Наверное, я всегда буду помнить тот день. Пылающие костры, в которых сгорали дома заболевших. Огонь был магическим, его разводил вызванный из города маг, и он не перекидывался на другие строения. У пламени был неприятный зеленоватый оттенок, призрачный и потусторонний. Дома горели, а я стояла на окраине деревеньки, у частокола из потемневших заостренных бревен, и прижимала к себе годовалую Незабудку.

Из всего имущества у нас остались лишь носильные вещи да старый медальон, который с рождения висел у меня на шее. И пока я в растерянности решала, что делать дальше, ко мне подошел